

В. В. Колода

Исследования Волчанского городища

реди многообразия древностей Днепровского лесостепного Левобережья значительный интерес исследователей привлекают памятники салтовской археологической культуры. Одним из наиболее интересных объектов этого культурного круга является открытое еще в начале XX в. В. А. Бабенко Волчанское городище [1, с. 24]. Он же в 1903 г. провел первые небольшие раскопки. Автор отмечал сложность оборонительной системы городища, состоящей из трех линий защиты, созданных по системе «ров-вал». Исследователь отмечал наличие на вершине внутреннего вала остатков каменной стены [2, с. 363–368].

В первые послевоенные годы памятник вновь привлекает к себе внимание исследователей, большинство из которых ограничиваются его осмотром и сбором подъемного материала. Среди них необходимо упомянуть В. А. Бабенко и И. И. Ляпушкина, которые включили Волчанское городище в общие обзоры салтовских памятников [3, с. 15; 4, с. 200–201], а также Н. Т. Евстропова, проводившего в окрестностях Волчанска интенсивные разведки [5, с. 204]. Обследование городища и сборы подъемного материала проводили В. К. Михеев и Б. А. Шрамко, которые в середине 60-х гг. исследовали остатки чернометаллургического горна на соседнем селище [6, с. 78–81]. Примерно в это же время городище было осмотрено С. А. Плетневой, которая дала его наиболее полное описание [7, с. 34–35]. Необходимо упомянуть и о незначительных работах И. П. Костюченко [8, с. 1–3].

Большинство сведений о Волчанском памятнике собраны в монографии Г. Е. Афанасьева, что посвящена населению лесостепной зоны бассейна Среднего Дона. Автор относит его к III типу салтовских городищ (по предложенной им классификации) и верно отмечает, что все выводы предыдущих исследователей о характере, датировке и конструкции оборонительных укреплений являются лишь предварительными, так как специальные раскопочные работы на нем не проводились [9, с. 111–112, рис. 64].

В 1994–1995 гг. Средневековая экспедиция Харьковского госпедуниверситета проводила охранные стационарные археологические исследования Волчанского раннесредневекового комплекса, в рамках которых были проведены раскопки территории городища и его укреплений [10, 11].

Само городище занимает высокий 40–45-метровый мыс правого берега р. Волчья. С востока и запада он ограничен глубокими балками. Узкий перешеек соединяет площадку мыса с коренным берегом. Люди и время не пощадили памятник. Многие годы здесь работал завод стройматериалов, уничтоживший часть мыса в процессе производства извести. К моменту исследования от не раз упоминавшихся предшественниками трех концентрически расположенных валов сохранились в относительной целости лишь центральное укрепление да валы с напольной стороны. Две линии обороны разрушены с южной и юго-восточной сторон (рис. 1).

Полученные в результате раскопок материалы свидетельствуют об отсутствии культурного слоя в центральной части городища. Лишь по краям защищаемой территории центрального двора обнаружены отдельные находки, относящиеся к салтово-маяцкой культуре [12, с. 10–14; 13, с. 3–6]. Наибольший интерес представляет сама система оборонительных сооружений. Исследования подтвердили наличие вокруг городища трех рубежей. Центральное место занимает крепость, кольцевая стена которой имела протяженность 330–350 м. Работами в раскопах № 2 и 3 была выявлена конструкция ее нижней части (верхняя уничтожена распашкой).

Основу крепостной стены составляли внешний и внутренний многослойные панцири с забутовкой пространства между ними.

Материалы, полученные при исследовании западной части оборонительных линий, свидетельствуют, что основание внутреннего панциря покоилось на глиняном фундаменте «подушке». Она была сооружена поверх слоя погребенной почвы. Глубина ее залегания составляла 0,45–0,7 м. Здесь в чистом слое глины находились рваные камни песчаника.

Лишь единичным из них была придана форма параллелепипеда. Поверх этого слоя находился еще один, состоящий из кусков чистого мела. Мощность последнего составляла 0,15 м. Крупные куски мела этого строительного горизонта были скреплены меловым или известковым раствором. В пользу такого предположения свидетельствует то, что некоторые участки этого слоя представляли собой монолит, хотя внешне в нем четко прослеживались отдельные куски. Возможно, что этот мел для повышения прочности пропитывался водой и утрамбовывался. Над ним находился еще один слой чистой глины (0,1–0,2 м). А выше него — черноземный слой с многочисленными вкраплениями меловой крошки. Отметим, что к западу от описанного внутреннего панциря глиняная «подушка» несколько продолжалась и как бы подстилала забутовку. Однако здесь в глину была добавлена мелкая меловая крошка. Общая ширина этой «подушки» составляла 3,2–4,5 м (рис. 2, а, б).

Внешний панцирь в раскопе № 2 (рис. 1) фиксировался линией крупных песчаниковых камней, покоящихся, в основном, на слое погребенной почвы. Лишь некоторые из них лежали на предматерике. В зачистке профиля северной бровки выявлено углубление от столбовой ямки, заполненное чистым черноземом. Вероятно, внешний панцирь в западной части крепостной стены представлял собой плетень с опорными столбами (типа украинского «тына»). Для прочности конструкции прутья обмазывали смесью глины и мела. Фрагменты такой обмазки найдены в забутовке межпанцирного пространства. Нижний край плетня с внешней стороны укреплялся рваными кусками песчаника (рис. 2, а, б).

Межпанцирное пространство было забутовано неоднородным сыпучим материалом. По большей части это была смесь чернозема и мелкой меловой крошки, а по центру

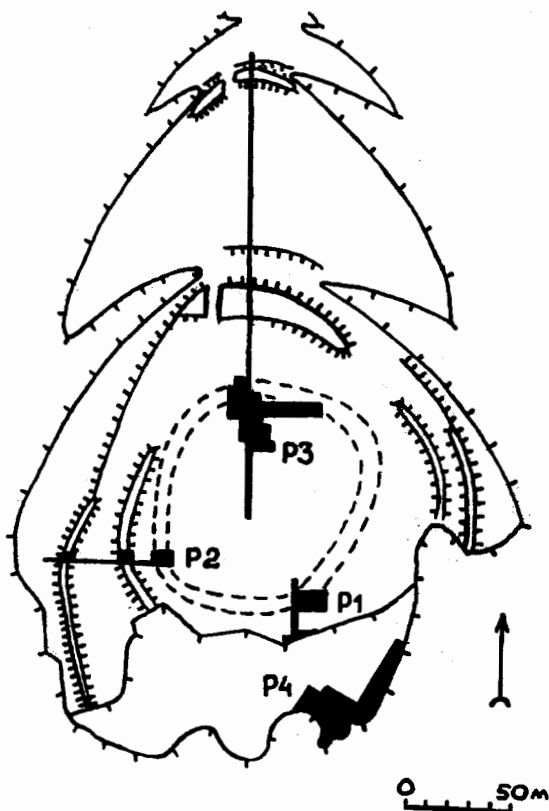

Рис. 1. План Волчанского городища с указанием раскопов 1994–1995 гг.

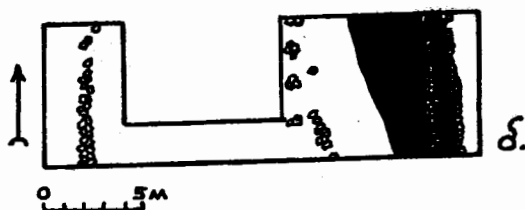
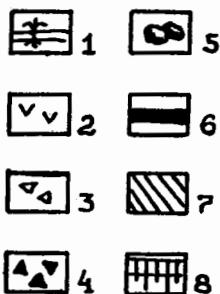
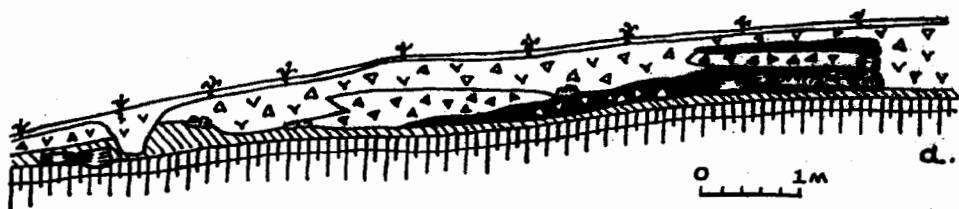

Рис. 2. План и профиль западного участка обороны Волчанского городища:

а) разрез стены цитадели; б) план остатков цитадели и среднего вала

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — гумус; 3 — меловой щебень; 4 — крупные куски мела; 5 — камень; 6 — глиняная «подушка»; 7 — погребальная почва; 8 — предматерик и материк

забутовки прослеживалась линза чистого крупного мела со следами пропитки водой, что аналогично одному из слоев внутреннего панциря. В засыпке встречались отдельные куски рваного песчаника. Общая ширина крепостной стены в западной части укрепления равнялась 7–7,5 м [12, с. 6–8, табл. VIII–X].

Исследования в раскопе № 3 (рис. 1) позволили сделать следующие наблюдения. По своей конструкции крепостная стена в северной части была во многом сходна с ранее описанной. Мощность сооружения составляла здесь 8 м. С внутренней и наружной сторон она имела панцири, которые служили опорными элементами ее конструкции (рис. 3).

Опорой внешнему панцирю служила «подушка» из материковой глины, для укладки которой был предварительно снят слой грунта до предматерика. Толщина «подушки» составляла 0,1–0,5 м при максимальной ширине до 1,8 м. Поверх нее были уложены камни рваного песчаника различной формы и величины. Мощность этого слоя — 0,2–0,5 м. В расположении камней никакой системы проследить не удалось, изредка встречались камни, обработанные до формы параллелепипеда с длиной грани от 0,3 до 0,7 м. Связующим раствором этого слоя была влажная смесь глины и мела. Внутренняя граница каменной кладки этого панциря представляла собой более-менее ровную линию, а с внешней стороны было выявлено немало камней, выкатившихся или перемещенных вследствие деструкции культурного слоя. Следовательно, с внешней стороны панцирь стены не имел какой-либо опоры. Несколько выше слоя камней выявлена линза из смеси крупного и мелкого мелового щебня. Между этими строительными горизонтами прослеживалась узкая прослойка чернозема с добавлением мелкой меловой крошки.

Внутренний панцирь на северном участке крепостной стены также опирался на обширную глиняную «подушку» шириной до 3 м при толщине 0,1–0,15 м, уложенную поверх предматерика. Выше глиняного слоя располагался еще один, состоявший из бессистемно сложенных на глиняно-меловом растворе камней. Некоторые из них были обточены до формы параллелепипеда. Над камнями находился слой чистого крупного мелового щебня, пропитанного водой и утрамбованного. Мощность этого горизонта составляла 0,2–0,6 м при ширине 1,2–1,3 м. Отметим, что с внутренней стороны каменной вымостки имелся выступ — контрфорс, который усиливал всю конструкцию.

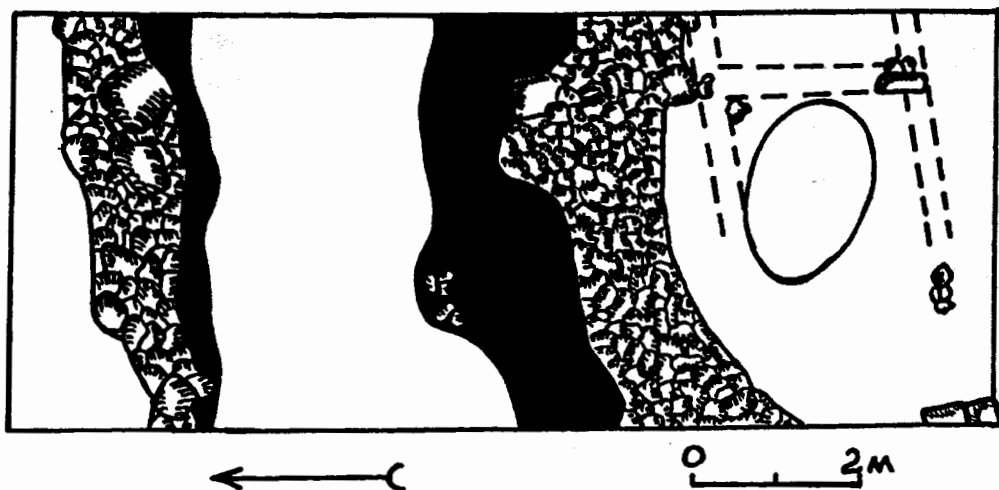
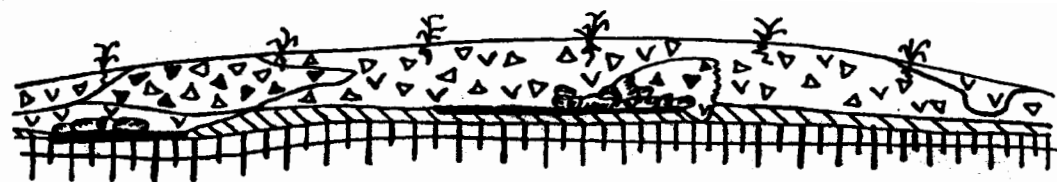

Рис. 3. План и профиль северного участка цитадели.

Межпанцирное пространство было засыпано смесью чернозема и мелкой меловой крошки. Заметим, что обе глиняные «подушки» были значительно шире каменных панцирей. Это создавало своеобразный подстилающий слой, на который опиралась забутовка [12, с. 10–11, табл. XII–XIII].

Верхний край стены к настоящему моменту уничтожен вспашкой. Однако, судя по растянутому грунту из забутовки (смесь чернозема, меловой крошки и мелких камней), он находился невысоко: не выше 3 м от нижнего края «глиняной подушки».

К югу от внутреннего панциря в северной части центрального двора выявлены неглубокие ровики от фундамента легких сооружений (рис. 3). Их глубина от дневной поверхности составляла около 1 м при ширине 0,25–0,3 м. В плане они напоминали «клетки». По углам их располагались базовые камни, призванные усилить общую прочность конструкции этих построек. Внутри одной из них обнаружены остатки хозяйственной ямы [12, с. 11–12, табл. XIII–XV].

Средняя оборонительная линия городища представляла из себя неоднородную насыпь вала (песок, чернозем и глина), помещенную поверх погребенной почвы. Внутренний склон вала был усилен искусственной грядой рваного песчаника (рис. 2, б), что препятствовало расползанию насыпи. Никаких остатков дополнительных конструкций поверх насыпи не прослежено. С внешней стороны вала располагался ров. Внешний угол залегания ската у него составлял 20°, внутренний — 45°. Общий перепад высоты этой системы «ров–вал» составлял не менее 2,7 м.

Внешняя линия обороны Волчанского городища с востока, юга и запада представляла аналогичную систему «ров–вал», однако в СВ и СЗ частях внешний вал переходил в эскарп (рис. 1). Высота вала в западной части этой защитной линии составляла 1,5 м. Он был насыпан однородной смесью (песок, чернозем, глина и мелкие фракции мела) поверх погребенной почвы. В 3 м вниз по склону располагался ров с максимальной

глубиной в 2,5 м. Углы залегания его внешнего и внутреннего скатов составляли 42–43°. Общий перепад высоты этой системы «ров–вал» с учетом склона составляет 5,8 м.

С северной стороны от крепости городища также имелись две системы «ров–вал» (рис.1). Внутренний вал отличался значительными размерами: высота насыпи — 3,7 м при ширине подошвы 15 м. Он был сооружен в один прием на краю склона близ естественного углубления-перемычки, которая образовалась в месте соединения двух идущих навстречу друг другу оврагов. В раннем средневековье перемычка была несколько углублена, о чем свидетельствует отсутствие предматерикового слоя. О естественности этого углубления свидетельствует и отсутствие выброса грунта, который сопровождал бы искусственный ров. Общий перепад высоты данной оборонительной системы составляет к настоящему времени 6,4 м. Но этим не исчерпывались ее оборонительные способности. В верхней части вала были зафиксированы следы существовавшая здесь деревянной постройки. Об этом свидетельствуют остатки трех столбовых ямок, выявленных в вертикальном разрезе траншеи,

К северу от этого большого вала, на расстоянии 65–66 м исследована еще одна оборонительная линия. Она защищала городище с напольной стороны, место ее расположения было выбрано с учетом защитных свойств рельефа (место максимального сближения двух оврагов). В насыпи вала зафиксировано два горизонта. Нижний слой состоял из смеси чернозема и глины, полученных при рытье рва. Остальная часть насыпи состояла из смеси глины и мелкой меловой крошки. Никаких дополнительных конструкций здесь не обнаружено. Ширина вала по подошве составляла 9 м при сохранившейся высоте 1,5 м. Заметим, однако, что вал был намного выше. В настоящий момент он распался, особенно в южную сторону, на 32 м. Это дает нам основание после несложных расчетов предположить, что в момент завершения строительства этот вал имел высоту около 5 м. С северной стороны от него выявлен ров, сооруженный вплотную к насыпи. Его ширина составляла 6 м, а глубина от современной поверхности — 1,5–1,7 м [12, с. 12–13, табл. XVI–XVII].

Таким образом, Волчанское городище представляет собой сложный многоступенчатый оборонительный комплекс, созданный с целью защиты многочисленного населения ремесленно-сельскохозяйственной округи во время военной угрозы.

Оборонительный, а не жилой, характер городища подтверждается не только отсутствием культурного слоя на его центральном дворе, но и в пространстве между рубежами защиты. Кроме того, на южном участке городища, между средним и внешним валами (раскоп № 4) исследовано 9 хозяйственных сооружений глубиной 2 м и более и площадью до 16 м² каждое [13, с. 6–9, табл. X–XXIII]. В подавляющем большинстве находки в них отсутствовали. Скорее всего, они были созданы для хранения продуктовых запасов, предназначавшихся защитникам городища.

Культурно-хронологическая интерпретация памятника не вызывает сомнения в его принадлежности к салтово-маяцкой культуре. Об этом свидетельствует ряд фактов. В окрестностях городища не выявлено ни одного поселения раннего железного века, когда могли бы быть построены аналогичные укрепления по системе «ров–вал». Археологический комплекс на восточной окраине г. Волчанска (городище и 4 селища) дает лишь находки, относящиеся к лесостепному варианту салтовской культуры. Во всех раскопах на самом городище и в забутовке межпанцирного пространства, в прилегающей к крепостной стене зоне выявлены лишь фрагменты салтовской и раннесредневековой амфорной керамики середины VIII–середины X вв. При строительстве линий укреплений широко использовался рваный камень, щебень и меловая крошка, что про- и
и
и
ц
а
к
и
и

Наблюдения, проведенные во время раскопок дают некоторые сведения о динамике создания городища. Наиболее мощным и завершенным представляется северный участок оборонительной системы: высокий напольный и большой валы, наиболее прочный участок крепостной стены с пристенными пристройками свидетельствуют о том, П

что этому направлению уделялось наибольшее внимание фортификаторов. Остатки южной стены, исследованные в раскопе № 1 (рис. 1), говорят о ее конструктивной слабости, незавершенности строительства. Здесь практически отсутствуют каменные панцири, не встречаются тесаные каменные блоки. Судя по имеющимся данным, этот участок стены находился либо в стадии строительства, либо представлял собой две линии плетеной изгороди с бессистемной забутовкой [12, с. 4–6; 13, с. 2–3]. Наличие остатков культурного слоя и хозяйственных ям на карьерных останках южного склона говорит о том, что с этой стороны к городищу примыкала жилая зона [12, с. 14–15; 13, с. 9].

Вышеизложенное позволяет высказать предположение о поэтапном строительстве городища. На начальном этапе жителями окрестных селищ были созданы системы «ров–вал», ставшие впоследствии внешними линиями обороны. В западной части северных валов были оставлены проемы, служившие для въезда на территорию городища. Соответственно были сделаны и перемычки во рвах (рис. 1), затем приступили к строительству крепости, которая должна была стать стержнем всей системы обороны. Первоочередной задачей была защита наиболее опасного напольного участка. Поэтому крепостная стена в северной части была наиболее мощной и, судя по ее останкам, имела наиболее законченный характер. Восточный и западный участки этой стены несколько тоньше. Они, судя по работам на западном участке, имели лишь один каменный панцирь. Возможно, планировалось создание второго (внешнего). Южный участок стены цитадели остался недостроенным. Такая картина косвенно свидетельствует о том, что сооружение крепости относится к последнему этапу существования комплекса, приблизительно к концу IX–середине X в. Работы оказались незавершенными в связи с изменением общей этно-политической ситуации в регионе, что связано с вторжением печенегов в степи Юго-Восточной Европы и активизацией антихазарской политики восточных славян.

Дополнительным свидетельством позднего существования памятника служит находка защитного противоконного четырехлучевого железного щипа, который выявлен в одной из хозяйственных ям [12, с. 14–15].

В литературе не раз поднимался вопрос о классификации салтовских городищ и истоках крепостного строительства. Наиболее обстоятельная типология укрепленных поселений предложена Г. Е. Афанасьевым [9, с. 89–128]. Однако Волчанское городище не вписывается полностью в предложенную схему. Полученные материалы позволяют отнести его по ряду признаков сразу к двум типам. Использование рельефа местности, наличие двух панцирей стены с забутовкой являются признаками третьего типа, а использование каменных блоков связывает его с четвертым типом.

На примере раскопок одного, даже интересного, памятника трудно внести что-либо новое в полемику об истоках строительной техники салтовских городищ [9, с. 128–138; 14, с. 116–118]. Со своей стороны заметим, что полученные материалы свидетельствуют о несомненной связи строительных приемов населения Волчанского городища и районов Прикубанья (Хумаринская крепость) и Дагестана (Некрасовское и Шелковое городища). Сходство наблюдается в широком использовании рваного камня, в применении двухпанцирной техники возведения стен, в характере забутовки и в технике чередования слоев из различного строительного материала, а также максимальном учете защитных свойств рельефа [9, с. 130; 15, с. 16–35; 16, с. 142–144]. Эти данные еще раз подтверждают тесные этнокультурные контакты населения салтовской лесостепи и племен Северного Кавказа и служит указанием для поиска возможных корней салтовского оборонительного зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багалец Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии//Труды XII АС. — 1905. — Т. 1. — С. 1-92.
2. Бабенко В. А. Волчанское городище//СХИФО. — 1905. — Т. 16.
3. Бабенко В. А. Общий обзор археологических исследований памятников салтовской культуры на юге СССР (1897-1947). 1947. — Ч. 1. — Архив ИА НАН Украины. — № 525
4. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. — 1961. — № 104.
5. Евстропов Н. Т. Городище и селища возле г. Волчанска//СА. — 1958. — № 4. — С. 204-207.
6. Шрамко Б. А., Михеев В. К. До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури//ВХУ. — 1969. — № 35. — Серія «Історія». — Вип. 3. — С. 74-81.
7. Плетнева С. А. От кочевий к городам//МИА. — 1967. — № 142.
8. Костюченко И. П. Отчет о разведочных раскопках в окрестностях г. Волчанска Харьковской области в 1951 году//Архив ИА НАН Украины. — № 1956/16.
9. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. //Археологические открытия на новостройках. — 1987. — Вып. 2.
10. Колода В. В. Оборонительные укрепления Волчанского городища//Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасению Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. — Елец, 1995. — С. 38-40.
11. Колода В. В. Ранньосередньовічні дослідження біля Вовчанська (попереднє повідомлення)//Міжнародна археологічна конференція. — К., 1996. — С. 195-196.
12. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1994 г. — Архив ИА НАН Украины.
13. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1995 г. — Архив ИА НАН Украины.
14. Флеров В. С. Верхне-Ольшанское городище и проблема методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры//Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: охранное изучение и музеефикация. — Материалы научной конференции. — Рязань, 1994. — С. 116-118.
15. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. — Черкесск, 1983.
16. Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. — М., 1983.

Summary

V. Koloda New researches of Volchansk's settlement

This article is about the researches of the Early Middle Ages defensive fortifications in the Volchansk site of settlement in Kharkov region, which is dated to mid VIII century – mid X century A.D. and relates to the Saltov archeological culture. This work tells us about the dynamics and the technology of building of these defenses. It traces the similarity of the building technology of the Volchansk site of settlement and the building technology of people in Kuban region in the Middle Ages.

